

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Александр Семенов. Глобальная история: окончательный синтез научного исторического знания или продолжение диалога?</i>	7
1. ВВЕДЕНИЕ	17
Почему «глобальная история»? За пределами интернализма и евроцентризма	19
Три разновидности глобальной истории	23
Процесс и подход	28
Обещания и пределы	32
2. КРАТКИЙ ОБЗОР ГЛОБАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ	35
Историография ойкумены	35
Картины всемирной истории XVI–XVIII столетий	39
Мировая история в годы западной гегемонии	44
Всемирная история после 1945 года	52
3. КОНКУРИРУЮЩИЕ ПОДХОДЫ	59
Компаративная история	60
Транснациональная история	67
Мир-системная теория	71
Постколониальные исследования	77
Множественные модерности	82
4. ГЛОБАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ КАК ОСОБЫЙ ПОДХОД ..	88
Черты глобальной истории	90
Интеграция и структурированная трансформация ..	94
За пределами взаимосвязанности: конкурирующие нарративы	100
Исследовательский случай: нации и национализм в глобальной истории	108
5. ГЛОБАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И ФОРМЫ ИНТЕГРАЦИИ ..	120
История глобализации	122
За пределами глобализации	130
Какая интеграция? Какие структуры?	133
Интеграция с участием пересекающихся структур ..	141

Когда было глобальное?	145
6. ПРОСТРАНСТВО В ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ.....	150
Транснациональные пространства: океаны	154
Исследуя альтернативные пространства	158
Сети	162
Микроистории глобального.....	168
Единицы глобальной истории.....	173
Меняя масштабы	176
7. ВРЕМЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ.....	183
Большая и глубинная история.....	184
Масштабы времени и Zeitschichten.....	189
Синхронность	193
Масштабы, деятели и ответственность	200
8. ПОЗИЦИОНИРОВАННОСТЬ И ЦЕНТРИРОВАННЫЕ ПОДХОДЫ	207
Евроцентризм	209
Позиционированность.....	217
Умножение центризмов и возвращение цивилизации.....	222
За пределами спора о культуре и центризме	227
9. СОЗДАНИЕ МИРА И ПОНЯТИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ.....	234
Историки и создание миров	236
Как создавать миры при помощи слов	239
Местные эпистемологии?	246
За пределами дискурса	251
10. ГЛОБАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ — ДЛЯ КОГО? ПОЛИТИКА ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ	257
Глобальная история — для кого?	258
Глобальная история как идеология глобализации? ..	262
Кто пишет мир? Иерархии знания	268
Геополитика и язык	273
Недостатки «глобального»	278
Что скрывает «глобальное»?	286
Благодарности.....	291
Указатель.....	293

1. Введение

«Все историки теперь занимаются всемирной историей, — несколько провокативно провозгласил Кристофер А. Бейли и тут же добавил: — хотя многие этого еще не осознали»¹. И в самом деле, вряд ли кто-нибудь сомневается, что глобальная/мировая история переживает сегодня настоящий бум. В США и других англоязычных странах уже несколько десятилетий она остается наиболее быстро развивающейся областью среди всех исторических дисциплин. Эта тенденция становится все ощутимее в Европе и в Восточной Азии, где глобальная история также находится на подъеме и встречает все большую поддержку у молодого поколения ученых. Повсюду возникают научные журналы, проводятся конференции, и во многих случаях «глобальный аспект» становится почти обязательным условием получения грантов. Но означает ли рост популярности, что каждый историк теперь занимается глобальной историей? Что именно в самой глобальной истории делает ее столь востребованной? И почему это происходит именно сейчас?

Для нынешнего бума есть много причин. Наиболее важные из них — это конец холодной войны, затем — события 11 сентября 2001 года. Учитывая то, что в наше время стало модно усматривать в «глобализации» ключ к пониманию настоящего, пора оглянуться на прошлое, чтобы исследовать исторические истоки этого процесса. Во многих регионах, и в особенности в эмигрантских сообществах, глобальная история выступает еще и как реакция на социальные проблемы и на требования ~~масс~~

1. Bayly C. A. The Birth of the Modern World, 1780-1914. Oxford: Blackwell, 2004. P. 469.

дискриминационного и узконационалистического подхода к прошлому. Переход в учебных планах университетов США от истории западной цивилизации к глобальной истории — типичный результат такого общественного давления. Внутри академического сообщества тенденции подобного рода отражаются в изменениях социального, культурного и этнического облика научной среды. В свою очередь, трансформации в социологии знания усилили недовольство длительной и устойчивой тенденцией рассматривать национальные истории как повествования об отдельных и самодостаточных пространствах¹.

Революция в области средств коммуникации, начавшаяся в 1990-е годы, также оказала серьезное влияние на наши интерпретации прошлого. Историки — и равным образом их читатели — стали больше ездить по миру и узнавать его лучше, чем когда-либо раньше. Рост мобильности, еще больше ускорившийся благодаря интернету, облегчил установление горизонтальных связей и дал историкам возможность участвовать в глобальных форумах, хотя, разумеется, голоса из бывших колоний до сих пор часто оказываются едва различимы. В результате сегодня историки имеют дело с большим количеством соперничающих между собой нарративов — именно в этом многообразии голосов они и находят потенциальные возможности для новых открытий. Наконец, горизонтальные сетевые связи, развивающиеся благодаря компьютерным технологиям, оказывают влияние на мышление ученых, которые все больше используют язык сетей и узловых точек вместо старой «территориальной» логики. Писать историю в XXI столетии означает совсем не то же самое, что это значило раньше.

1. *Hopkins A. G. (ed.).. Globalization in World History. London: Pimlico, 2002; Bender Th. (ed.).. Rethinking American History in a Global Age. Berkeley, CA: University of California Press, 2002.*

Почему «глобальная история»? За пределами интернализма и евроцентризма

Глобальная история родилась из убеждения, что инструменты, которыми пользовались историки для анализа прошлого, утратили свою эффективность. Глобализация поставила перед социальными науками и господствовавшими нарративами, призванными объяснять социальные изменения, новые фундаментальные вопросы. Настоящее характеризуется сложным переплетением и сетевым характером связей, которые пришли на смену прежним системам взаимодействия и обмена. Однако социальные науки зачастую уже не способны адекватно ставить вопросы и давать ответы, помогающие понять реалии опутанного сетями глобализированного мира.

В особенности это касается двух «родовых травм» современных социальных и гуманитарных наук, из-за которых страдает системное понимание мировых процессов. Истоки этих изъянов можно проследить в ходе формирования современных академических дисциплин в европейской науке XIX века. Во-первых, рождение социальных и гуманитарных наук было связано с национальным государством. Темы, которыми занимались такие дисциплины, как история, социология и филология, вопросы, которые они ставили, и даже их функции в обществе были тесно связаны с проблемами той или иной нации. Помимо этого, «методологический национализм» академических дисциплин означал, что теоретически национальное государство мыслилось основополагающей единицей исследования, неким территориальным единством, служащим своего рода «контейнером» для общества. В области истории привязанность к таким территориально ограниченными «вместилищам» проявлялась отчетливее, чем в других, соседних дисциплинах. Вследствие этого понимание мира было дискурсивно и институционально предопределено таким образом, что отношения

взаимообмена отступали на второй план. По большей части история сводилась к национальной истории¹.

Во-вторых, новые академические дисциплины были глубоко евроцентричны. Они основывались на представлениях о европейском историческом развитии и рассматривали Европу как главную движущую силу мировой истории. Более того, понятийный аппарат социальных и гуманитарных наук отталкивался от европейской истории и путем обобщения представлял ее как универсальную-всеобщую модель развития. «Аналитические» понятия вроде «нация», «революция», «общество» и «прогресс» трансформировали конкретный европейский опыт в (универсалистский) язык якобы повсеместно применимой теории. С точки зрения методологии современные дисциплины, прилагая специфически европейские категории к любому иному историческому прошлому, рассматривали все прочие общества как европейские колонии².

Глобальная история — это попытка ответить на вопросы, вытекающие из подобных наблюдений, и преодолеть две плачевные родовые травмы современных социальных наук. Таким образом, это ревизионистский подход, несмотря на то что он опирается на работы предшественников в таких областях исследований, как миграция, колониализм и торговля, уже давно приковывающих к себе внимание историков. Интерес к изучению способных преодолевать границы явлений сам по себе не нов, но теперь он приобретает новый смысл. Настало время изменить территорию мышления историков. Глобальная история, следовательно, имеет полемический аспект. Она бросает вызов многим формам «контейнерных» парадигм.

1. *Smith A. D.* Nationalism in the Twentieth Century. Oxford: Robertson, 1979. P. 191 ff.; *Beck U.* What Is Globalization? Cambridge: Polity Press, 2000. P. 23–24; *Wallerstein I. et al. (eds.)*. Open the Social Sciences: Report of the Gulbenkian Commission on the Restructuring of the Social Sciences. Stanford, CA: Stanford University Press, 1996.
2. О «родовых травмах» см.: *Bentley J. H.* Introduction: The Task of World History // *Bentley J. H. (ed.)*. The Oxford Handbook of World History. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 1–16.

и в первую очередь — национальной истории. В четвертой главе мы продемонстрируем подробнее, какие коррективы она вносит в интерналистские, или генеалогические, версии исторического мышления, пытающиеся объяснить исторические изменения «изнутри».

Однако речь идет не только о методологии: глобальная история ставит задачу изменить саму организацию и институциональный порядок знания. Во многих странах «история» как таковая в течение долгого времени фактически уравнивалась с национальной историей своей страны: большинство итальянских историков занимаются Италией, большая часть их корейских коллег — Кореей. Практически повсеместно целые поколения студентов знакомились с историей по учебникам, рассказывающим о национальном прошлом. На этом фоне тезисы глобальной истории звучат как призыв к восприятию себя частью целого, к более широкому видению мира. Прошлое других стран и народов — это тоже определенные истории. История — не только наше прошлое, но и прошлое всех других.

И даже там, где исторические факультеты укомплектованы преподавателями, готовыми к более широкому подходу, курсы, которые они читают, тяготеют к представлению историй государств и цивилизаций как изолированных монад. Китайские учебники по мировой истории, например, полностью исключают историю Китая, поскольку национальное прошлое «проходят» на другой кафедре. Разделение исторической реальности на отечественную и всемирную историю, или на «историю» и «страноведение», означает, что существенные параллели и сопряжения оказываются вне поля зрения ученых. Глобальная история, помимо прочего, — призыв к преодолению подобной фрагментации; ее задача — прийти к более многостороннему пониманию взаимодействий и взаимозависимостей, образующих современный мир.

Глобальная история, разумеется, не панацея от всех бед и даже не качественно лучший, чем другие, метод. Это только один из возможных подходов. Он лучше

приспособлен для решения одних вопросов и проблем и меньше — для других. Глобальная история занимается прежде всего мобильностью и обменом, процессами, преодолевающими разграничения и границы. Взаимосвязанный мир для нее — отправная точка, а главные ее темы — обращение и обмен вещей, людей, идей и институций.

Предварительно и заведомо широко глобальную историю можно определить как форму исторического анализа, при котором явления, события и процессы рассматриваются в глобальных контекстах. Среди ученых, однако, нет единства по вопросу о том, как лучше достичь подобного результата. Множество других подходов — от компаративной и транснациональной, всемирной и «большой» истории до постколониальных исследований и истории глобализации — борются сегодня за внимание научного сообщества. Так же как и глобальная история, они пытаются справиться с задачей связать прошлое воедино.

Каждая из этих научных парадигм выдвигает на первый план что-то свое, и наиболее влиятельные подходы мы рассмотрим в третьей главе. Однако не следует преувеличивать различия: между разными вариантами есть много пересекающихся областей и методологических схождений. На самом деле очень трудно точно определить, в чем состоит специфика и уникальность глобальной истории. Не станет легче и от попытки показать, как функционирует это понятие на практике. Даже поверхностное знакомство с текущей научной литературой убеждает, что исследователи не просто пользуются данным термином — они используют его в собственных, самых разнообразных целях, часто наряду с другими терминами, как взаимозаменяемые понятия. Широкое распространение говорит скорее о привлекательности и размытости термина, чем о его методологической особости¹.

1. *Sachsenmaier D.* Global History, Version: 1.0. // Docupedia-Zeitgeschichte. 2010. 11. Feb. (http://docupedia.de/zg/Global_History?oldid=84616).